

УДК 566(571.5)

Кости животных из плоских каменных конструкций бухты Саган-Нугэ на Малом Море оз. Байкал^{*}

Т. Ю. Номоконова

Университет Британской Колумбии (Канада)

О. И. Горюнова

*Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН
Иркутский государственный университет*

Аннотация. На основе анализа фаунистических остатков, найденных в каменных конструкциях комплекса Саган-Нугэ III (район Малого Моря оз. Байкал), рассматриваются новые материалы по использованию животных скотоводами позднего голоцена в Приольхонье. Анализ построен на обсуждении видового состава животных, их количественного соотношения, присутствия тех или иных элементов скелета и возрастных показателей отдельных особей. Установлено, что подобные конструкции являются остатками от жертвоприношений животных, практикующихся в данном регионе в этно-историческое время. Проведенный зооархеологический анализ позволил по-новому взглянуть на использование животных в обрядовых действиях и на хронологический диапазон сооружения этих кладок. Радиоуглеродное датирование определило диапазон их сооружения XIII–XIV вв.

Ключевые слова: зооархеология, кости животных, каменные конструкции, жертвоприношения животных, поздний голоцен, оз. Байкал, Сибирь.

Введение

Обнаружение плоских каменных кладок, относимых к поминальным, на территории Приольхонья достаточно частое явление [Горюнова, Свинин, 1995, 1996, 2000; Дашибалов, 1995; Номоконова, 2005; Харинский, 2001]. Несмотря на это, среди всех археологических объектов в регионе данные конструкции очень сложно датировать и культурно идентифицировать в связи с частым отсутствием в них археологического материала или присутствия только недиагностичных для хронологических построений изделий (например, гладкостенной керамики без орнамента и т. д.). Попытки датирования таких сооружений не всегда удаются; плоские каменные сооружения обычно относятся к широкому хронологическому средневековому срезу в основном

^{*} Работа выполнена при поддержке гранта SSHRC 430–2012–0099 и тематического плана НИР по заданию Минобрнауки РФ 6.3177.2911.

между V и XIV вв. [Асеев, 1980; Дашибалов, 1995; Номоконова, 2005; Харинский, 1999, 2001, 2002].

На этом фоне каменные кладки Саган-Нугэ III выделяются по двум причинам. Во-первых, сооружения содержали существенное количество костей животных, по одной из которых в 2013 г. нам удалось получить радиоуглеродное датирование, что предоставило возможность определить узкий диапазон сооружения этих конструкций. Во-вторых, проведенные зооархеологические исследования позволили по-новому взглянуть на восприятие животных скотоводами Приольхонья позднего голоцена, включая специфику использования не только домашних, но и диких животных при создании каменных конструкций во время посещения бухты Саган-Нугэ. Цель предлагаемой работы – обсудить видовой состав животных, использование и предпочтения тех или иных частей туш и следов их разделки на фоне обобщенного обсуждения местоположения кладок, их конструктивных особенностей и сопроводительных изделий.

Бухта Саган-Нугэ расположена на юго-восточном побережье залива Мухор, в 4 км к северо-западу от пос. Сахюртэ (Ольхонский район Иркутской области) (рис. 1). Она осваивалась байкальскими жителями на протяжении всего голоцена. В ней зафиксировано многослойное поселение, используемое с мезолита по бронзовый век [Горюнова, 1990; Номоконова, Горюнова, 2012], два погребения бронзового века (Саган-Нугэ I) и несколько культовых кладок [Горюнова, Свинин, 1996, с. 157–162]. Часть искусственных сооружений, например три кладки Саган-Нугэ II, неопределенной функции и датирования из-за отсутствия в них археологического материала. К этой же категории можно отнести овальные и кольцевую кладки, которые, возможно, являются погребениями – Саган-Нугэ IV (их раскопки не проводились). Бухта привлекала внимание и скотоводов, мигрирующих в Приольхонские степные участки в позднем голоцене, которые оставили после себя пять плоских каменных конструкций, обозначенных как комплекс Саган-Нугэ III [Яковлева, Горюнова, 1991]. Каменные сооружения местонахождения Саган-Нугэ III обнаружены в межгрядовом понижении в вершине перевала между бухтой Саган-Нугэ Мухорского залива и Куркутским заливом (на высоте 74 м над уровнем Байкала). Площадка ограничена с севера, востока и юга скальными выходами, западный склон обращен к Мухорскому заливу, а восточный – к Куркутскому, с видом на остров Ольхон (рис. 2). Кладки зафиксированы и вскрыты Маломорским отрядом КАЭ ИГУ в 1983 г. (О. И. Горюнова). Результаты работ были частично введены в научный оборот: детально описаны каменные конструкции и археологический материал: изделия из железа, кости, камня и керамики [Яковлева, Горюнова, 1991]. Предварительный анализ этих материалов позволил соотнести их с курыканской культурой и датировать в пределах V–X вв. В дальнейшем, на основании сравнительного анализа орнамента некоторых сосудов, была пересмотрена хронология этих конструкций и предложена их датировка X–XIV вв. [Номоконова, 2005]. Проведенный в 2008 г. анализ костей животных, обнаруженных в этих каменных конструкциях, обозначил новые перспективы для дальнейших исследований этого комплекса.

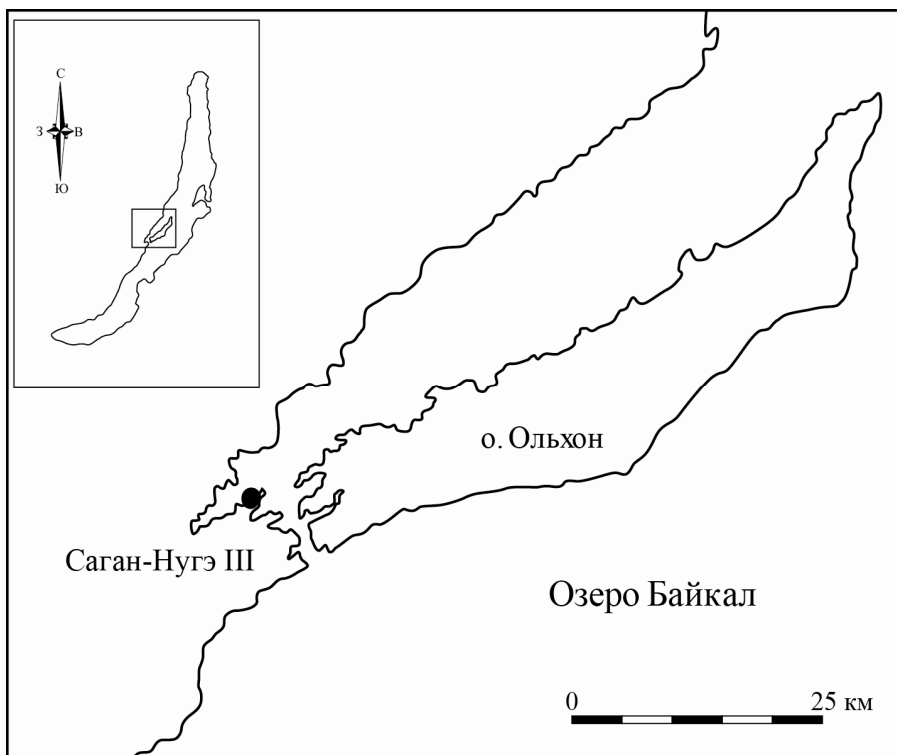

Рис. 1. Карта-схема расположения комплекса Саган-Нугэ III

Рис. 2. Вид на остров Ольхон с местоположения кладок Саган-Нугэ III
(Фото Т. Ю. Номоконовой, февраль 2012 г.)

Конструкции, артефакты и кости животных

Для каменных кладок комплекса Саган-Нугэ III выделены характерные конструктивные элементы [Яковлева, Горюнова, 1991, табл. 1]. Все они овальной формы, с размерами: от 2 до 2,9 м по короткой оси и от 3 до 3,7 м по длинной оси. Их ориентация по линии С–Ю и СВ–ЮЗ (рис. 3, 1). Кладки состояли из плит, уложенных в один слой (в центре в два). Под камнями каждое сооружение имело небольшое углубление, выдолбленное в скальной породе, глубиной от 0,2 до 0,3 м. В их заполнении зафиксированы остатки кострищ (угольки) и археологический материал: фрагменты керамики, единичные изделия из железа, кости, бересты, камня и фаунистические остатки. Аналогичный материал обнаружен и при расчистке самих каменных сооружений. Кладки располагались рядом друг с другом, за исключением № 1, которая находилась на расстоянии более 1,7 м к югу от остальных (рис. 3, 1). Археологический материал во всех сооружениях однородный, а в кладках № 2, 3, 4, 5 встречены фрагменты от одних и тех же сосудов. В связи с этим полагаем, что, вероятно, создание этих каменных конструкций и деятельность, совершаемая во время их сооружений, являлись синхронными событиями [Яковлева, Горюнова, 1991].

Археологический материал представлен 891 артефактом (табл. 1), среди которых 815 фрагментов керамики минимум от 27 гладкостенных сосудов простой и сложной закрытой формы, с плоским дном. Керамика с толстыми и тонкими стенками. Преобладает посуда без орнамента (фрагменты от 15 сосудов). На некоторых сосудах имеются отверстия для подвешивания. Среди орнаментированной керамики выделяются фрагменты от 8 сосудов, украшенные налепным рассеченным валиком. В двух случаях сосуды оформлены только по краю венчика насечками. Отмечено по одному сосуду, орнаментированным: один – насечками по внешнему краю венчика и налепному рассеченному валику по тулову, другой – ногтевыми защипами по тулову. Фрагменты от посуды также представлены остатками от берестяного туеска и, возможно, одним – из железа (фрагмент пластины из кладки № 2). Среди остального материала найдены: обломки пряслиц из камня и кости, крючок и нож из железа, крица, несколько изделий из камня. Последние представлены 63 изделиями (орудия и отходы каменного производства в виде отщепов и сколов). Их присутствие в кладках позднего голоцена не вполне ясно, так как по типологическим характеристикам орудий, например резцов, они ассоциируются с материалами охотников и рыболовов раннего и среднего голоцена, фиксируемых на многослойном поселении, расположенном в самой бухте [Яковлева, Горюнова, 1991]. Отсутствие культурного слоя на территории размещения каменных кладок позволяет предположить, что, возможно, скотоводы использовали при совершении своих обрядовых действий найденные ими в бухте остатки древних культур.

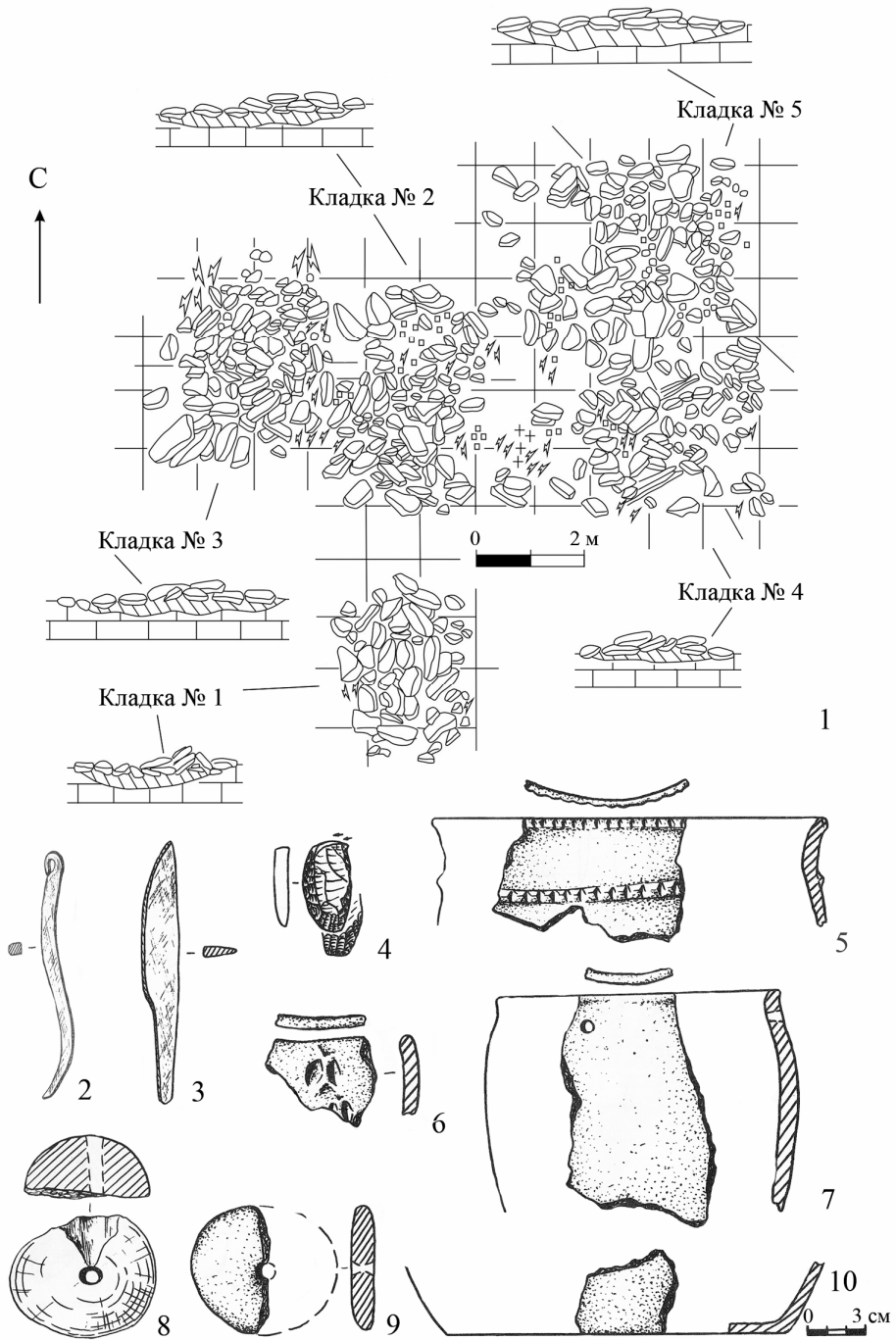

Рис. 3. Саган-Нугэ III: 1 – план расположения кладок и их разрезы; 2, 5–7, 10 – материал кладки № 2; 3–4, 9 – материал кладки № 5; 8 – материал кладки № 3

Таблица 1

Кладки и археологический материал

Кладка №	1	2	3	4	5	Всего
КОНСТРУКЦИИ						
Размер кладки, м	3,2×2,1	3,65×2,2	3,4×2,88	3,73×2,5	3,0×2,67	
Ориентация	С–Ю	С–Ю	СВ–ЮЗ	СВ–ЮЗ	СВ–ЮЗ	
Размер ямы, м	3,2×2,1	3,6×2,2	2,8×2,6	3,7×2,1	3,0×2,6	
Глубина, м	0,20	0,32	0,25	0,32	0,24	
ФАУНА						
Кол-во по кладкам	585	519	1881	66	501	3552
АРТЕФАКТЫ						
Кол-во по кладкам	119	225	172	87	288	891
<i>Изделия из железа</i>						
Нож					1	1
Крючок		1				1
Обломок пластины (сосуда -?)					1	1
Крица					1	1
<i>Сосуды</i>						
Кол-во фрагментов	103	209	169	83	251	815
Минимум сосудов без орнамента	2	4	4	3	5	
Минимум сосудов с орнаментом	3	4	2	2	5	
<i>Изделия из кости</i>						
Обломок пряслица (?)			1			1
<i>Изделия из бересты</i>						
Фрагменты от туеска	8					8
<i>Изделия из камня</i>						
Орудия (скребки, резцы, проколки, недиагностичные)		4		1	5	10
Обломок пряслица из гальки					1	1
Отщепы и сколы	5	9	2	3	28	47
Битые гальки	3	2				5

Кости животных во всех пяти кладках представлены 3552 экз., наибольшее их количество найдено при зачистке кладки № 3, а наименьшее в кладке № 4 (табл. 2). Среди фаунистических остатков 41 % костей млекопитающих недиагностичны; они отнесены к категории неопределимых с вариациями по животным крупного и среднего размеров. Среди диагностичных экземпляров кости домашних копытных (лошадь, овца, коза и корова) и, возможно, собаки. Основная часть фауны принадлежит диким млекопитающим (лисица, заяц, нерпа и суслик), недиагностичным фрагментам птиц и рыб. Последние составляют 54 % от всех костей животных, найденных в пяти конструкциях; они представлены окунем, сорогой, осетром, налимом, а также сигом или омулем.

Таблица 2

Видовой состав животных

Таксон (Название)	Кладка 1	Кладка 2	Кладка 3	Кладка 4	Кладка 5	Всего по таксонам
МЛЕКОПИТАЮЩИЕ						
Неопределимые	312	267	353	29	361	1322
Mammalia – крупного размера	20	14	14		8	56
Mammalia – среднего размера	15	28	45			88
Artiodactyla (парнокопытные)				1	9	10
Artiodactyla – крупного размера	3	1	1		1	6
Artiodactyla – небольшого размера	11	9	9		18	47
Человек						
<i>Homo sapiens</i>			6			6
Копытные						
<i>Equus</i> spp. (лошадь)	1	3	4		2	10
<i>Bos</i> spp. (корова)	3	1	4		3	11
Caprinae (коза/овца)	17 (2)*	6	11	1	16(2)	51
<i>Capra hircus</i> (коза)		1	1		1	3
<i>Ovis aries</i> (овца)	1	1				2
Хищники						
Carnivora – среднего размера	1				1	2
Carnivora – небольшого размера					1	1
<i>Canis</i> spp. (волк/собака)	1	1	1		2	5
<i>Phoca sibirica</i> (нерпа)	1		1			2
<i>Vulpes vulpes</i> (лиса)			1		1	2
Грызуны						
<i>Lepus</i> sp. (заяц)					3	3
<i>Urocitellus undulates</i> (суслик)			1			1
ПТИЦЫ						
Aves – небольшого размера			1			1
Aves – неопр.			1		1	2
РЫБЫ						
Pisces-неопр	109	127	1365	16	29	1646
Cyprinidae (карповые)	11 (2)	4 (2)	7(3)			22
<i>Rutilus rutilus</i> (сорога)	1	3(2)	2		1	7
<i>Coregonus</i> spp. (сиг/омуль)	17 (4)	9(4)	4		4	34
<i>Acipenser b. baic.</i> (осетр)	4	6		2	6	18
<i>Esox lucius</i> (щука)	10 (2)	5	16 (2)	1	5	37
<i>Lota lota</i> (налим)	1	6 (2)	3(2)		1	11
<i>Perca fluviatilis</i> (окунь)	46 (5)	27(2)	30(6)	16 (2)	27(4)	146
Всего по кладкам	585	519	1881	66	501	3552

* Количество костей по таксонам из кладок; в скобках минимальное количество особей.

Описание археологического материала по всем кладкам приводится суммарно в табл. 1 и 2. Основной акцент в работе сделан на анализ фауны. Более детальное описание артефактов представлено в работе В. В. Яковлевой и О. И. Горюновой (1991).

Описание материала по кладкам

Кладка № 1 (табл. 1). Археологический материал представлен четырьмя отщепами (один с ретушью), куском кремня с подработкой, двумя битыми гальками, первичным сколом кварцита, фрагментами берестяного тусека (один со следами перетяжек), 103 фрагментами керамики и 585 остатками фауны. Керамика, обнаруженная в кладке и в заполнении ямы, состоит из фрагментов от 5 сосудов. Вся она с гладкой поверхностью от толстостенных (58) и тонкостенных (45) сосудов простой закрытой формы, с плоским дном. Фрагменты от трех сосудов украшены наlepным валиком с насечками.

Кости животных зафиксированы в общем количестве 585 экз., принадлежат минимум трем особям семейства коз и овец, корове, лошади, нерпе, представителю семейства псовых (волк или собака) и рыбам. Все кости, отнесенные к категории средних парнокопытных (овцы, козы), рассматриваются вместе (так как кости диких копытных найдены не были) и представлены 29 фрагментами. На основании прореза зубов и состояния сроста эпифизов [Zeder, 2006], остатки принадлежат двум особям между 6 и 12 месяцами и старше 2 лет (без сильного износа на зубах, предполагая их достаточно молодой возраст). По составу частей элементов скелета остатки этих животных представлены, в основном, черепом, а также вторым шейным позвонком, плечевой, лучевой, бедренной и большой берцовой костями, ребрами, метаподией и фалангой. Следы порезов были отмечены на средней части плечевой кости, возле проксимального эпифиза лучевой кости и дистального эпифиза большой берцовой кости. Следы разделки на плечевой кости, вероятно, ассоциируются с процессом отделения мяса от костей; остальные соотносятся с процессом отделения конечностей.

Остатки коровы представлены фрагментом нижней челюсти (с прорезывающимся 3-м моляром), сесмойдом и фрагментом рога. Судя по прорезанию зубов возраст животного между 2 и 2,5 лет [Silver, 1969]. К этой категории, возможно, также относятся фрагменты фаланг категории крупных парнокопытных. Остальные млекопитающие из кладки представлены: 2-й фалангой лошади, фалангой нерпы от взрослой особи, фрагментом лучевой кости волка/собаки и зубом хищника среднего размера. Среди 199 костей рыб определены осетр, налим, остатки от двух шук, двух представителей семейства карповых (включая сорогу), от четырех рода сиговых (возможно сига, судя по размерам) и от пяти окуней. Ихтиофауна в основном представлена костями черепа за исключением одного позвонка и нескольких чешуек. Следы жжения отмечены на 35 костях млекопитающих (фрагменте рога коровы, обломках трубчатых костей, ребер и недиагностичных фрагментов). Недиагностичные кости в этой кладке (общим количеством 347) представлены частями лопатки, позвонков, ребра, черепа, тазовой и трубчатых костей.

Кладка № 2 (табл. 1; рис. 3, 2, 5–7, 10). В числе находок: железный крючок и 15 каменных предметов: скребок, резец, рубящее орудие, обломок орудия с ретушью из пластинчатого скола, обломок галечного валуна с пропилами, три пластинчатых скола, шесть отщепов и битая галька. Керамика представлена 209 фрагментами с гладкой поверхностью от сосудов с толстыми (133) и тонкими (76) стенками, простой и сложной закрытой формы, с плоским дном. Большую группу составляет керамика без орнамента (от 4 сосудов, фрагменты одного из них – от сосуда из кладки № 4). На фрагментах от двух сосудов – отверстия для подвешивания. Фрагменты от четырех сосудов украшены: налепным валиком, рассеченным насечками (от сосуда из кладки № 5); насечками по внешнему краю венчика; ногтевыми защипами по тулову; сочетанием насечек по венчику с рассеченным налепным валиком по тулову.

Фауна представлена 519 костями (табл. 2) среди которых найдены: фрагмент верхней челюсти волка/собаки, остатки черепов и нескольких чешуек двух карповых (включая сорогу), двух налимов, щуки, осетра, четырех сигов или омуля и двух окуней, а также кости домашних копытных. Среди последней категории: фрагмент нижней челюсти коровы, подъязычная кость крупного парнокопытного, резец и кости запястья лошади, фрагменты черепа и кости заплюсны семейства овцы и козы. Судя по состоянию зубной системы, последние представлены особями старше двух лет, но еще молодого возраста. Среди недиагностичных костей млекопитающих зафиксированы: фрагменты черепа, отдельных зубов, лопатки, бедренной кости и ребер. Обломок трубчатой кости и пять ребер – со следами порезов; две недиагностичных кости – со следами жжения.

Кладка № 3 (табл. 1; рис. 3, 8). В числе археологического материала: изделие из кости в виде срезанной головки эпифиза с отверстием в центральной части (пряслице), пластинчатый скол и отщеп с ретушью. Керамика представлена 169 фрагментами с гладкой поверхностью от сосудов с толстыми (115) и тонкими (54) стенками, простой и сложной закрытой формы, с плоским дном. Керамика в основном без орнамента (115 фрагментов от 4 сосудов); на фрагментах от двух сосудов – отверстия для подвешивания. Фрагменты от 2 сосудов украшены по тулову налепным рассеченным валиком.

Фаунистические остатки представлены 1881 костями (табл. 2). Среди них определены фрагменты бедренной кости, метаподии и 1-я фаланга лошади, зубы и кость заплюсны коровы. К последней категории, возможно, также относится и обломок метаподии крупного парнокопытного. Категория средних парнокопытных представлена обломком рога, отдельными зубами, нижней челюстью, вторым шейным позвонком, метатарсалом, бедренной и пяточной костью. По состоянию зубной системы и степени срастания эпифизов, возраст животного между 2–2,5 годами [Zeder, 2006]. В кладке также найдены кости среднего парнокопытного, вероятно, также принадлежащие этой категории. Среди них определены зубы, лучевая, большая берцовая и тазовая кости, метаподии.

Среди остальных костей животных найдены: тазовая кость лисицы (с порезами), фаланга нерпы, диафиз большой берцовой кости волка/собаки с

порезами, две кости птицы небольшого размера, суслика и 1427 костей рыб от сиговых, трех карповых (с определением сороги), двух налимов, двух щук и трех окуней. Ихтиофауна в основном представлена костями черепа и чешуей. Остальная категория костей недиагностична и отнесена к млекопитающим крупного и среднего размеров; в их числе кости от черепа, ребер, позвонков, метаподий и неопределимых элементов. Восемь из них со следами порезов (четыре на трубчатых костях); две кости со следами жжения. Необычной находкой является обнаружение шести костей человека: кости правой (две заплюсны) и левой (четыре метатарсала) ступней.

Кладка № 4 (табл. 1) содержала каменный инвентарь: проколку, кусок кремня со следами сколов и два отщеп. Керамика представлена 83 фрагментами от гладкостенных сосудов с толстыми (60) и тонкими (23) стенками, простой закрытой формы, с плоским дном. Большинство керамики без орнамента (81 фрагмент от трех сосудов); фрагменты от двух сосудов украшены: один – по тулову наlepным рассеченным валиком, другой – ногтевыми защипами (от сосуда из кладки № 2). Среди 66 костей животных найдены (табл. 2): резец семейства коз и овец, кости рыб от осетра, щуки и двух окуней. Остальные остатки принадлежат зубам парнокопытных и недиагностичным костям млекопитающих от черепа, ребер, лучевой и трубчатых костей. Один из недиагностичных элементов со следами порезов.

Кладка № 5 (табл. 1; рис. 3, 3–4, 9) содержала изделия из железа в виде однолезвийного черешкового ножа, фрагмента пластины (от сосуда?) и куска крицы. В числе каменного инвентаря: трансверсальный резец, две проколки, скребок, обломок пряслица из гальки, орудие с выемками на отщепе, семь пластинчатых сколов (один с ретушью) и 21 отщеп (один с ретушью). Керамика представлена 251 фрагментом от гладкостенных сосудов с толстыми (148) и тонкими (103) стенками, простой (реже – сложной) закрытой формы, с плоским дном. Преобладает керамика без орнамента (244 фрагмента от 5 сосудов, из них 2 – от сосудов из кладки № 3). На фрагменте одного из них – дырочка для подвешивания. Фрагменты от двух сосудов украшены наlepным рассеченным валиком. Фрагменты от трех сосудов орнаментированы: насечками по внешнему краю венчика; ногтевыми защипами по тулову (от сосуда из кладки № 2); сочетанием насечек по венчику с рассеченным наlepным валиком по тулову (от сосуда из кладки № 2).

Среди 501 кости животных определены (табл. 2): коза, корова, лошадь, волк/собака, лисица и заяц. Также найдены: фрагмент плечевой кости птицы и 73 рыбных остатка от осетра, щуки, сороги, сиговых и четырех окуней. Ихтиофауна состоит в основном из костей от черепов рыб; найдено два жженных позвонка. Волк/собака представлен плечевой и лучевой костями со следами порезов (на первой – возле ее проксимального конца). Возраст животного (судя по несросшемуся проксимальному эпифизу плечевой кости) – до 15 месяцев [Silver, 1969]. Лисица определена по нижней челюсти; заяц по нижней челюсти, частям бедренной и большой берцовой костей.

Остатки полорогих – от двух особей (одна из них – коза). Они представлены всеми анатомическими частями скелета и, судя по состоянию эпифизов,

от особи старше 12–19 месяцев для козы и до 12–19 месяцев для второй [Zeder, 2006]. Возможно, что 18 костей парнокопытных среднего размера также могут относиться к этой категории. Кости коровы представлены зубом, метакарпалом, 2-й фалангой от особи до 2–2,5 лет, судя по несросшемуся дистальному эпифизу метакарпала [Silver, 1969]. Возможно, к этой категории также относятся фрагменты шейного позвонка крупного парнокопытного со следами порезов на его латеральной стороне (от разделки животного). Лошадь представлена фрагментами зубов и дистальным эпифизом большой берцовой кости. Несколько фрагментов костей от животных крупных размеров, среди которых лучевая кость, ребро и обломок трубчатой кости. Оставшиеся 361 фрагмент костей млекопитающих недиагностичны и представлены осколками: ребер, черепа, позвонков и трубчатых костей, среди которых 27 со следами жжения.

Обсуждение результатов

Зооархеологический анализ костей животных из каменных конструкций Саган-Нугэ III предоставляет возможность по-новому взглянуть на хронологический диапазон сооружения этих кладок и на использование животных в обрядовых действиях. Для определения времени сооружения каменных конструкций нами получена AMS радиоуглеродная дата – 550 ± 30 л. н. по фрагменту кости копытного из кладки № 1 Саган-Нугэ III, выполненная в лаборатории Beta Analytic-335122. Стандартные подсчеты калиброванного диапазона проведены по программе Calib 6.0.1 с калиброванной базой данных INTCAL 09 [INTCAL ..., 2009; Stuiver, Reimer, 1993] по двум сигмам (95 % уровень вероятности) по л. н. и лет до н. э. Калиброванный возраст этой даты попадает в промежуток между 660–550 л. н. или 1290–1400 лет н. э. (XIII–XIV вв.), что совпадает с ранее предложенной датировкой, проведенной на основе сравнительного анализа орнамента керамики этого комплекса [Номоконова, 2005]. Тем не менее, для более обобщенного построения хронологических рамок создания плоских каменных кладок в Приольхонье необходимы AMS радиоуглеродные датирования для других подобных сооружений.

Результаты анализа костей животных из каменных конструкций Саган-Нугэ III предоставляют интересную информацию об использовании животных скотоводами Приольхонья по нескольким причинам. Во-первых, кости животных не так часто встречаются в таком большом количестве в подобных каменных конструкциях Приольхонья. Во-вторых, среди определимой фауны присутствуют кости не только домашних, но и диких животных. Наличие костей лошади, коровы, овцы и козы в принципе ожидаемые находки, отражающие хозяйственный уклад скотоводов Прибайкалья и соседних районов; находки же костей диких животных – не такое частое явление. Более того, эти остатки представлены не единичными экземплярами, а напротив, составляют большинство среди всех фаунистических остатков; кости диких животных (среди определимой фауны с пяти раскопанных кладок) составляют 1937 экз., большинство которых принадлежит рыбам (табл. 2).

В целом среди домашних копытных определены: лошадь, овца, коза и корова – типичные представители хозяйства приольхонских скотоводов, начиная с раннего железного века и до настоящего времени. К ним относятся 140 костей (из определяемых до вида, включая категории парнокопытных). Среди определенных видов лошадь занимает особое положение, как и у скотоводов всей Евразийской степи, из-за широкого использования ее не только в питании и как транспортного животного, но и непосредственно в погребальных обрядах и жертвоприношениях [Асеев, 1980; Галданова, 1987; Жамбалова, 2000; Мастюгина, 1980; Николаев, 2004; Номоконова, Батракова, Горюнова, 2010].

На Саган-Нугэ III лошадь представлена 10 костями минимум от одной особи, найденных во всех кладках кроме № 4. Из этих костей одна головка бедренной кости исключена из анализа элементов скелета, так как является изделием с просверленным в центре отверстием, вероятно, используемым как пряслице. В числе остальных элементов (рис. 4, 1): зубы, метаподия, кости

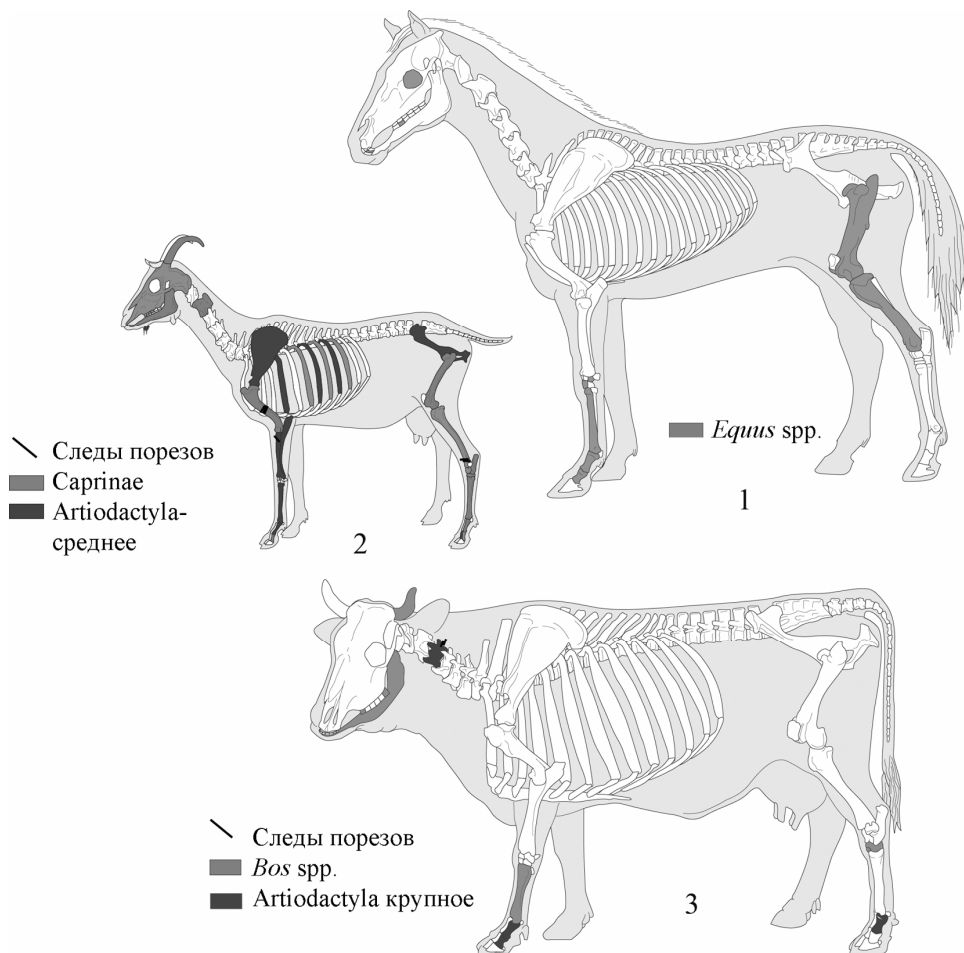

Рис. 4. Части скелетов домашних животных из кладок Саган-Нугэ III:
 1 – лошадь; 2 – овца/коза; 3 – корова

запястья и заплюсны, фаланги, а также фрагмент дистального эпифиза большой берцовой кости и фрагмент головки бедренной кости со следами сильных погрызов хищниками. В целом кости лошади представлены элементами головы и нижних конечностей. Присутствие подобных частей скелета среди археологических комплексов (за исключением бедренной головки) может рассматриваться как остатки от жертвоприношений, где голова и конечности лошади, оставаясь в шкуре животного, устанавливались над каменными конструкциями погребений или других сооружений. По этнографическим сведениям, после жертвоприношения, когда лошадь умерщвлялась и подалась – шкура с головой и копытами вывешивалась на шесте [Галданова, 1987]. В связи с этим наличие костей только черепа и конечностей лошади в археологических комплексах может ассоциироваться в некоторой степени с такого рода жертвоприношениями [Номоконова, Батракова, Горюнова, 2010].

Второе по значению животное у скотоводов Прибайкалья овца и, в меньшей степени, коза, которые не только являются важным источником питания в прошлом и настоящем, но также (как и лошадь) широко используются при погребальной практике и жертвоприношениях разным духам местностей [Жамбалова, 2000, 2004; Николаев, 2004; Late Holocene ..., 2010]. Остатки этой категории животных на комплексе Саган-Нугэ III рассматриваются вместе со всеми костями, отнесенными к семейству полорогих, а также небольших по размеру парнокопытных. В общей сложности во всех кладках были найдены 103 кости данной категории. При обобщенном анализе кости овец и коз принадлежат минимум трем особям (судя по подсчету всех фрагментов лучевых костей и с учетом возрастных определений), две из которых овца и коза. По состоянию зубной системы и степени срастания эпифизов можно предположить, что одна особь возрастом между 6 и 12 месяцами, вторая – между 2–2,5 годами и третья – старше 2 лет (с сильным износом зубной системы). Коза относится к одной из двух последних категорий. Остальные кости сложно идентифицировать. Таким образом, животные этой категории представлены всеми частями скелета (рис. 4, 2), часть из них со следами разделки и потребления, а часть – со следами погрызов хищниками и эрозии, возможно, указывающие на их близкое расположение к поверхности. Судя по возрасту одного из представителей семейства коз и овец между 6 и 12 месяцами, вероятно, что использование этого животного происходило летом или осенью (если предположить позднюю зиму – раннюю весну как сезон рождения данной особи).

Корова также играла не последнюю роль в скотоводческом хозяйстве Байкальского региона не только как источник питания [Жамбалова, 2004; Late Holocene ..., 2010], но и при погребально-ритуальной практике [Николаев, 2004; Хамзина, 1970]. На территории Приольхонья использование коров (или их отдельных частей) при обрядовых действиях в средневековых комплексах единичны. Пока известна только одна такая находка, где голова и передние конечности теленка были использованы при захоронении собаки [Павлуцкая, 1990]. Кости коровы в кладках Саган-Нугэ III (объединенные с категорией крупных парнокопытных) найдены во всех сооружениях (кроме

№ 4) и представлены 17 костями минимум от одной особи, возрастом в среднем около 2–2,5 лет. Остатки животных этой категории – от элементов головы и нижних конечностей (рис. 4, 3), возможно, результат жертвоприношения, подобного лошади, описанного выше. Некоторые кости – со следами разделки и жжения, а также погрызов хищниками. Судя по возрасту, вероятно, что особь употреблялась весной, летом или даже ранней весной.

В целом по анализу костей домашних копытных и присутствию элементов скелета выделяются некоторые вариации. Судя по присутствию черепов и почти полных скелетов, можно предположить, что копытные были приведены на перевал бухты Саган-Нугэ и употреблялись там при проведении обрядовых действий и сооружении каменных конструкций. В то же время остатки коз и овец представлены всеми частями скелетов, вероятно, это может свидетельствовать о том, что животные были приведены и употреблены полностью. В отличие от них кости лошади и коровы принадлежали в основном черепам и конечностям, что может указывать на специфику жертвоприношения этих животных, когда голова и конечности оставались в шкуре. Тем не менее, необходимо учесть, что остальные фрагменты частей скелета этих животных могли быть не определимыми и включены нами в категорию «недиагностичных».

Несмотря на то, что присутствие костей домашних копытных ожидается среди археологических комплексов скотоводов Приольхонья, встречаются виды, присутствие которых не частое явление среди подобных каменных сооружений. К их числу среди домашних животных, вероятно, относится несколько костей представителя семейства псовых, судя по размерам, видимо, собаки. В числе костей найдены верхняя челюсть, плечевая, две лучевые и большая берцовая кость от особи до 15 месяцев; две из них – со следами разделки. Остатки диких животных, найденные в комплексе Саган-Нугэ III, представлены большим видовым разнообразием. Среди них представители пушных зверей и обитатели байкальских вод. Несколько костей суслика и птиц исключены из обсуждения, так как их присутствие могло быть интрузивного характера. Среди млекопитающих найдены кости лисицы (нижняя челюсть и тазовая кость со следами разделки), зайца (нижняя челюсть, бедренная и большая берцовая кости) и нерпы (фаланги; лапа – ?). В большом количестве встречены кости рыб (в основном от черепов и чешуя). Среди них отмечены виды не только маломорских прибрежных рыб (в основном окуня, а также сороги, налима, щуки и осетра), но также и глубоководных – сига или омуля. Присутствие последних в заливах Малого моря (если предположить, что улов рыбы местный) обычно во время их нереста. Для омуля это происходит весной и летом, а сиг обитает в Малом море на протяжении всего года на глубине от 20–120 м, а осенью заходит на нерест в Мухорский залив на глубину 2–4 м [Рыбы и рыбное хозяйство ..., 1958]. Таким образом, сезонное распределение сига и омуля вблизи бухты Саган-Нугэ, вероятно, подразумевает время использования этих рыб и сооружения каменных кладок в период с поздней весны до поздней осени, что совпадает с возрастными показателями некоторых домашних животных, описанных выше.

Наиболее неожиданной находкой явилось присутствие в кладке № 3 костей человека (от правой и левой ступней). Аналогий наличия костей человека в подобных каменных конструкциях пока не найдено.

Заключение

В целом анализ фаунистических материалов, найденных при раскопках каменных конструкций в бухте Саган-Нугэ, позволяет по-новому взглянуть, во-первых, на хронологический диапазон их создания. Радиоуглеродное датирование по кости животного показало, что плоские каменные кладки Саган-Нугэ III были сооружены в XIII–XIV вв. Во-вторых, анализ костей животных продемонстрировал специфику использования домашних и диких животных при совершении обрядовых действий и сооружении каменных конструкций. Многие нюансы: расположение кладок на перевале с открывающимся видом на Байкал и на о. Ольхон; присутствие только черепов и конечностей лошади и коровы; следы жжения и разделки, отмеченные на костях животных как свидетельства их потребления в пищу – ассоциируются с этнографическими описаниями жертвоприношений животных хозяевам и духам местностей [Жамбалова, 2000]. Предположение, что животные были специально приведены на перевал бухты Саган-Нугэ, частично или полностью употреблены в пищу и их остатки были заложены камнями после этих процессов – подтверждает функциональное назначение этих плоских каменных конструкций как жертвенных [Яковлева, Горюнова, 1991]. Некоторые кости животных были со следами эрозии и погрызов хищниками, возможно, из-за их близкого расположения от дневной поверхности. Кроме костей животных в кладках были оставлены и сосуды, в которых готовилась пища, орудия разделки животных, а также другие аспекты хозяйственных изделий как пряслицы и крица, и, кроме того, каменный инвентарь (вероятно, принесенный из бухты или других районов), представляющий собой материальные остатки от древних охотников-рыболовов Приольхонья.

Не совсем обычным для подобных жертвоприношений по этнографическим параллелям является широкое использование различных видов диких животных, особенно почти всех представителей байкальских вод, таких как нерпа и рыбы. Хотя у Приольхонских бурят и упоминается использование, например, зайца при почитании хозяина Ольхона [Жамбалова, 2000], но такое широкое употребление диких животных не только по видовому, но и по количественному составу, остатки которых были найдены в каменных конструкциях Саган-Нугэ, этнографических аналогов не находит. Пока нет данных и по нахождению в подобных каменных сооружениях стоп (или других костей) человека. В целом зооархеологический анализ материалов из кладок Саган-Нугэ III впервые позволил по-новому взглянуть на роль и использование животных позднеголоценовыми скотоводами в жертвоприношениях хозяевам и духам местностей, практиковавшихся в XIII–XIV вв.

Список литературы

- Асеев И. В.* Прибайкалье в средние века: (по археологическим данным) / И. В. Асеев. – Новосибирск : Наука, 1980. – 149 с.
- Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят / Г. Р. Галданова. – Новосибирск : Наука, 1987. – 115 с.
- Горюнова О. И.* Многослойная стоянка Саган-Нугэ / О. И. Горюнова // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. – Иркутск, 1990. – С. 133–137.
- Горюнова О. И.* Ольхонский район: материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 1995. – Ч. 1 : Остров Ольхон. – 142 с.
- Горюнова О. И.* Ольхонский район: материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 1996. – Ч. 2 : Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. – 212 с.
- Горюнова О. И.* Ольхонский район: материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 2000. – Ч. 3 : Материковый участок от мыса Улан до реки Большая Бугульдейка. – 183 с.
- Дашибалов Б. Б.* Археологические памятники курыкан и хори / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.
- Жамбалова С. Г.* Профанный и сакральный миры Ольхонских бурят (XIX–XX вв.) / С. Г. Жамбалова. – Новосибирск : Наука, 2000. – 400 с.
- Жамбалова С. Г.* Скотоводство / С. Г. Жамбалова // Буряты. – М., 2004. – С. 93–117.
- Мастюгина Т. М.* Похоронная обрядность: буряты / Т. М. Мастюгина // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М., 1980. – С. 91–97.
- Николаев В. С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура / В. С. Николаев. – Владивосток ; Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.
- Номоконова Т. Ю.* Орнаментация средневековых сосудов Приольхонья (оз. Байкал) / Т. Ю. Номоконова // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 221–229.
- Номоконова Т. Ю.* Кости лошади в погребально-ритуальных комплексах XVII–XIX веков Приольхонья / Т. Ю. Номоконова, Н. А. Батракова, О. И. Горюнова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2010. – Т. 16. – С. 285–288.
- Номоконова Т. Ю.* Фаунистические остатки из многослойного поселения Саган-Нугэ (оз. Байкал) / Т. Ю. Номоконова, О. И. Горюнова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2012. – Т. 18. – С. 123–127.
- Павлуцкая В. В.* Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников (по материалам могильников XI–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Павлуцкая. – Л., 1990. – 16 с.
- Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал / под ред. М. М. Кожова и К. И. Мишарина. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1958. – 756 с.
- Хамзина Е. А.* Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники) / Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. – 140 с.
- Харинский А. В.* К вопросу о генезисе ритуальных кладок Приольхонья в I тыс. н. э. (по материалам местонахождения Курма XII) / А. В. Харинский // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. – Улан-Удэ, 1999. – С. 501–504.

Харинский А. В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация / А. В. Харинский. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001. – 199 с.

Харинский А. В. Поминальные конструкции Приольхонья I тыс. н. э.: некоторые вопросы хронологии и типологии / А. В. Харинский // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ ; Чита, 2002. – С. 161–166.

Яковлева В. В. Ритуальный комплекс Сagan-Нугэ III на Байкале / В. В. Яковлева, О. И. Горюнова // Палеознотологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 157–164, 237–242.

Late Holocene subsistence practices among Cis-Baikal pastoralists, Siberia: zooarchaeological insights from Sagan-Zaba II / T. I. U. Nomokonova, R. J. Losey, A. Weber, O. I. Goriunova, A. G. Novikov // *Asian Perspective: The Journal of Archaeology for Asia and the Pacific*. – 2010. – № 49 (1). – P. 157–179.

INTCAL 09 and MARINE 09 radiocarbon age calibration curves, 50,000 years Cal BP / P. J. Reimer, M. G. L. Baillie, E. Bard, A. Bayliss, J. W. Beck, P. G. Blackwell, C. Bronk, Ramsey, C. E. Buck, G. S. Burr, R. L. Edwards, M. Friedrich, P. M. Grootes, T. P. Guilderson, I. Hajdas, T. J. Heaton, A. G. Hogg, K. A. Hughen, K. F. Kaiser, B. Kromer, F. G. McCormac, S. W. Manning, R. W. Reimer, D. A. Richards, J. R. Southon, S. Talamo, C. S. M. Turney, J. van der Plicht, C. E. Weyhenmeyer // *Radiocarbon*. – 2009. – № 51 (4). – P. 1111–1150.

Silver I. A. The ageing of domestic animals / I. A. Silver // *Science in Archaeology*. – London, 1969. – P. 283–302.

Stuiver M. Extended 14C database and revised CALIB radiocarbon calibration program / M. Stuiver, P. J. Reimer // *Radiocarbon*. – 1993. – № 35. – P. 215–230.

Zeder M. A. Recirculating rates of long bone fusion and tooth eruption and wear in sheep (*Ovis*) and goat (*Capra*) / M. A. Zeder // *Recent advances in ageing and sexing animal bones*, ed. D. Ruscillo. – Oxford, 2006. – P. 87–118.

Animal Bones from the Stone Features of the Sagan-Nuge Cove, Little Sea Area of Lake Baikal

T. Nomokonova, O. I. Goriunova

Abstract. This paper offers new data on the use of animals by the Late Holocene pastoralists of Priol'khon'e based on the analysis of faunal remains found among the stone features of the Sagan-Nuge III site located in the Little Sea area of Lake Baikal in Siberia. Here, we provide results of the species identification, abundance of animal bones, their skeletal element representation, and age determination of some individuals. Furthermore, we suggest that these animal bones are remains left after sacrifices similar to those of horse, sheep, and cattle practiced in this region during the ethnohistoric period. However, analysis of the material found among the Sagan-Nuge III stone features also shows that besides domesticated animals, wild species, such as Baikal seal, fox, and fishes, and remains of human feet were also used in these ritual practices.

In general, this zooarchaeological analysis provides new insights on how domesticated and wild animals were used by the Late Holocene pastoralists during their sacrificed practices. In addition, based on the AMS radiocarbon dating of ungulate bone, our research also gives a better understanding when these stone features were made. Usually, their appearance in Priol'khon'e broadly refers to the chronological diapason between 5th to 14th centuries AD. Radiocarbon dating from Sagan-Nuge III allows narrowing the period of the making of the stone features at this particular site to the 13–14 centuries AD.

Key words: zooarchaeology, animal bones, stone features, animal sacrifices, Late Holocene, Lake Baikal, Siberia.

Номоконова Татьяна Юрьевна –
постдокторант, Университет Британской
Колумбии, Канада, BC V6T 1Z1, Ванку-
вер, 6303 NW Marine Drive,
tatiana.nomokonova@gmail.com

Горюнова Ольга Ивановна – кандидат
исторических наук
ведущий научный сотрудник, филиал Ин-
ститута археологии и этнографии СО РАН
«Иркутская лаборатория археологии и
палеоэкологии»; старший научный
сотрудник, Иркутский государственный
университет
664003, Россия, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1, as122@yandex.ru

Nomokonova Tatiana Iur'evna – Ph. D.
Postdoctoral Researcher, University of Brit-
ish Columbia, 6303 NW Marine Drive,
Vancouver, BC V6T 1Z1, Canada,
tatiana.nomokonova@gmail.com

Goriunova Olga Ivanovna – Ph. D. in His-
tory, Leading Researcher, Branch of the
Institute of Archeology and Ethnography
«Irkutsk Laboratory of Archaeology and
Paleoecology», SB RAS; Senior Researcher,
Irkutsk State University
1, K. Marks str., Irkutsk, Russia, 664003,
as122@yandex.ru